

УДК 930

**НАУЧНЫЙ ОБЗОР: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И.В. СТАЛИНА****Данильченко С.Л.***Филиал ФГБУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»,
Севастополь, e-mail: sldistorik@bk.ru*

Работа посвящена актуальной проблеме историко-философского осмысления национально-государственной политики И.В. Сталина с точки зрения основных цивилизационных особенностей российского общества народов, национальных приоритетов и исторических перспектив России.

Ключевые слова: Сталин, национально-государственная политика, геополитика, российская национальная цивилизация

**RESEARCH REVIEW: HISTORY AND
PHILOSOPHY UNDERSTANDING NATIONAL PUBLIC POLICY OF I.V. STALIN****Danilchenko S.L.***Branch of Moscow State University named by M.V. Lomonosov, Sevastopol, e-mail: sldistorik@bk.ru*

The work is devoted to the actual problem of historical and philosophical understanding of national state policy I.V. Stalin from the standpoint of the main features of the Russian community of civilized nations, national priorities and historical perspectives of Russia.

Keywords: Stalin, the national public policy, geopolitics, the Russian national civilization

До недавнего времени проблема историко-философского осмысления национально-государственной политики И.В. Сталина сознательно игнорировалась исследователями. Актуальность данной научной проблемы обусловлена, прежде всего, тем, что современный системный мировой кризис свидетельствует о полной несостоятельности неоклассической теории общественного развития и неолиберальной модели нынешнего мироустройства. В этой связи приобретает особую актуальность историко-философское осмысление основных цивилизационных особенностей российского общества народов, национальных приоритетов и исторических перспектив России, геополитических аспектов национально-государственной политики И.В. Сталина.

В свое время большевикам удалось предотвратить распад России. Этот факт им ставили в заслугу их непримиримые противники – управляющий делами правительства А.В. Колчака Г.К. Гинс, близкий к А.И. Деникину политик В.В. Шульгин, известный историк С.П. Мельгунов, не говоря уж о сменовеховцах во главе с Н.В. Устояловым и евразийцах во главе с П.Н. Савицким и Н.С. Трубецким. В 1993 году Збигнев Казимеж Бжезинский не скрывал своей радости по поводу того, что «распад Советского Союза не только создает брешь для потенциального проникновения американского влияния в евразийский вакуум... Этот распад влечет за собой важнейшие геополитические последствия на юго-западных окраинах Евразии: Средний Восток и Персидский

залив превратились в район открытого и исключительно американского преобладания. Это положение – исторически уникально» [1, с. 58-59]. Советский Союз не был «империей зла» и не являлся сверхидеальным государством, он имел свою внутреннюю логику развития, достижения и проблемы. Изучение образования и развития СССР требует активного использования методов геополитического анализа, то есть исследования политической истории государства с учетом географических, социокультурных и других факторов, влияющих на политические процессы, которые происходят в государстве.

Тяготение континентальных стран к морю, стремление к завоеванию противоположного берега или овладение целым морским бассейном, перерастание через океан, овладение морскими проливами – давние геополитические законы развития цивилизаций, открытые не теоретиками нацистской геополитики Карлом Хаусхофером и его школой, использовавшими эти законы в интересах Третьего Рейха, а выдающимися учеными XIX–XX веков – Рудольфом Челленом, Фридрихом Ратцелем, Хэлфордом Джоном Маккиндером. Политические режимы и различные идеологии оказывают немалое влияние на развитие конкретного государства в соответствии с законами политики, тем не менее, вторичны по отношению к ним. Великобритания была «владычицей морей» и при неограниченной монархии, и при республике Оливера Кромвеля, и при парламентской многопартийной

псевдомонархии. Тот же путь прошли Франция и Германия, несмотря на все свои внутренние катаклизмы.

История России и Советского Союза в этом плане не исключение. Выход к Балтийскому морю с целью ограничения экспансии Европы и расширения торговли был нужен в равной степени и Ивану Грозному, и Петру I, и Иосифу Сталину. Контроль над средиземноморскими проливами и борьба с Великобританией за первенство в Центральной Азии были неотъемлемой частью внешней политики российских императоров и советских лидеров, кроме М.С. Горбачева, несмотря на всю несовместимость их мировоззрений. Однако не следует сводить национально-государственную политику к географическому детерминизму, присущему геополитике. Современному исследователю необходимо найти такой синтез, в котором будут гармонично сочетаться методы геополитики и исторической науки.

Геополитические аспекты национально-государственной политики И.В. Сталина до недавнего времени не были предметом специальных исследований. После развенчания в 1956 году на XX съезде КПСС «культ личности» отечественная историческая наука принялась неистово критиковать сталинский план «автономизации» 1922 года, который при жизни Сталина в советской историографии вообще не упоминался, поскольку сам И.В. Сталин в разгар борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией в 1927 году заявил, что «никаких разногласий по национальному вопросу с партией или Лениным у меня не было никогда» [2, с. 65]. При Н.С. Хрущеве по указанию «главного специалиста по истории КПСС» Б.Н. Пономарева историки умалчивали о всякой деструктивности в деятельности реабилитированных в то время национал-коммунистов – П.Г. Мдивани, Х.Г. Раковского, М.Х. Султан-Галиева, акцентируя внимание только на критике плана «автономизации» И.В. Сталина. Показателен в этом плане справочник «Советские конституции», вышедший в 1963 году под редакцией члена-корреспондента АН СССР П.С. Ромашина, в котором ничего не говорилось о том, каким хотели видеть новый Союз национал – коммунисты, но, зато подробно рассказывалось о «героической» борьбе В.И. Ленина против сталинского плана «автономизации». Более того, вопреки реальным историческим фактам авторы справочника утверждали, что «главный недостаток проекта Сталина заключался в том, что он сохранял и усиливал привилегированное положение РСФСР в ряду других братских советских республик, объективно содей-

ствуя тем самым ущемлению суверенных прав этих республик с позиций великодержавного шовинизма» [3, с. 163].

В 1970-1980 годы по инициативе М.А. Суслова начала развиваться тенденция замалчивания роли И.В. Сталина в советской истории. Историк М. И. Куличенко выдвинул тезис о том, что сталинский план «автономизации» был, по сути, меньшим злом в сравнении с инициативами национал-коммунистов, поскольку Сталин делал только шаг назад по сравнению с уже имевшими место достижениями в строительстве Советского многонационального государства, а Х.Г.Раковский, П.Г. Мдивани и прочие продемонстрировали неверие в возможность социалистической федерации и фактически отступили от достигнутых завоеваний революции в решении национального вопроса [4, с. 106-108]. В монографии О.И. Чистякова «Проблемы демократии и федерализма в первой Советской Конституции» ни слова не говорилось об активном участии И.В. Сталина в дискуссиях по проблеме федерализма в конституционной комиссии 1918 года. Аналогичный пробел допустили и авторы коллективного труда «История национально-государственного строительства в СССР 1917-1918 годы» [5].

В 1990-е годы в отечественной исторической науке все же сформировалась определенная концепция по интересующей нас теме, предложенная А.П. Ненароковым. Введя в научный оборот немало новых документов, историк сформулировал вывод о том, что сталинская концепция социалистического унитаризма была присуща определенной части партии, заиклившейся «на уровне дореволюционных подходов и представлений о преимуществах унитарного государства и учете национальных особенностей в рамках областной территориальной автономии» (6, с. 229). Доказывая «историческую» правоту В.И. Ленина в разрешении национальных проблем России, А.П. Ненароков выдвинул тезис о том, что «в историческом плане отход от ленинизма начался именно со срывов в национальной политике», произошедших из-за того, что Сталин расставил «неверные акценты в определении классовых подходов», преувеличил политическое значение «форм национальной государственности» по отношению к «реальной самостоятельности республик», тяготел к «имперским амбициям» [7, с. 270]. В 1992 году в соавторстве с М.К. Горшковым и В.В. Журавлевым А.П. Ненароков усилил некоторые свои прежние установки. Так, были выделены две идеи, на которых И.В. Сталин воздвигнул свою унитаристскую концепцию – «идея великой и недели-

мой России» и «подчиненность национального вопроса вопросу власти». Именно эти идеи, а не «первоначальные» (так называемые ленинские) «программные установки большевизма» в национальном вопросе, привели к созданию идеократической советской империи, в основе которой, с одной стороны, лежала идея «великодержавия», весьма распространенная «на уровне обыденного сознания», а с другой стороны, сталинские унитаристские взгляды «ложились на благодатную почву веры в возможность сильной централизованной власти реализовать весьма привлекательные задачи «уравнительного социализма» [8, с. 10-11]. В настоящее время в отечественной историографии данная концепция является главенствующей.

Следует отметить, что видный российский историк А.И. Вдовин, занимающийся «русским вопросом», уделил определенное внимание изучению национально-государственной политики И.В. Сталина. По его мнению, не только Сталин, но и Ленин, и все большевики изначально допустили стратегический просчет, упустив «возможности», открываемые предложениями использовать вместо национально-территориального национально-культурный принцип. Между тем, принцип культурно-национальной автономии имеет преимущество перед национально-территориальным уже потому, что последний создает больше предпосылок для роста национализма и сепаратизма, чем первый [9].

Кампания по разоблачению сталинизма, вызванная к жизни «новым политическим мышлением» М.С. Горбачева, привела к тому, что изучение национально-государственной политики И.В. Сталина, было подменено изобличением сталинского «тоталитарного режима». Под лозунгом публициста Ю.Буртина «Изжить Сталина!» над покойным советским лидером был устроен настоящий политический процесс с такими же передергиваниями и фальсификациями исторических фактов, которые допускал в своем известном докладе на XX съезде КПСС Н.С. Хрущев, заявлявший, например, о том, что И.В. Сталин планировал военные операции по глобусу и был главным и единственным виновником катастрофы Красной Армии под Харьковом в 1942 году. Во второй половине 1980-х гг. вульгаризация сталинской темы доходила до еще большего абсурда. Чего только стоили творческие проникновения в сталинские сны писателя А. Адамовича, «открывшего» в своей повести «Каратели» в главе «Дублер» факт незаконнорожденного происхождения И.В. Сталина от императора Александра III, или

сентенция драматурга Э. Вериге и философа М. Капустина о том, что идейный спор Н.И. Бухарина с И.В. Сталиным был не просто идейным диспутом, а борьбой Христа – Бухарина с Сатаной – Сталиным [10]. В свое время такая вульгаризация сталинской темы не встретила должного отпора у профессиональных историков, поскольку и в их среде по отношению к этой теме доминировал социальный заказ, навязанный единомышленниками последнего Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева и поддержанный политическим окружением первого Президента РФ Б.Н. Ельцина.

В 1990-е годы негласное табу на серьезные исследования государственной деятельности И.В. Сталина сохранилось. В прессе появлялись статьи с отпугивающими заголовками типа «Сегодня нельзя строить национальную политику с оглядкой на Сталина» [11]. А перед празднованием 50-летия победы СССР над гитлеровской Германией «Нью-Йорк Таймс» посетовал на то, что в России к этой дате была выпущена почтовая марка с изображением Сталина, Рузвельта и Черчилля и пожурил ныне покойного экс-премьера В.С. Черномырдина за его выступление перед ветеранами, в котором последний позволил себе «решительно говорить в защиту деятельности Сталина во время войны» [12, с.2]. И сегодня изживание И.В. Сталина продолжается.

Вопрос о том, почему и как произошло крушение советской системы, давно стал темой научных исследований и дискуссий. Двадцатилетний «юбилей» развала СССР послужил на Западе поводом для новой серии конференций и «памятных» мероприятий. Одно из них состоялось в Бремене 19–21 мая 2011 года, где собрались историки из Европы и США, развивавшиеся как исследователи после 1991 года. Конференция «Конец Советского Союза? Причины и последствия 1991 года» была организована Сюзанне Шаттенберг и Майке Леман из Центра изучения Восточной Европы Университета Бремена (Forschungsstelle Osteuropa) при поддержке Volkswagen Stiftung. Открылась конференция «круглым столом» «Причины и последствия 1991 года», на котором в качестве главных докладчиков выступили известные американские историки – Стефен Битер, редактор самого актуального журнала профессионального сообщества историков СССР – «Kritika» и Кевин Платт, профессор Университета Пенсильвании. Кевин Платт как крупный специалист по дискурсивным практикам, отраженным в российской/советской историографии, сосредоточил свое выступление на вопросе, каким образом и почему изменилась оценка конца

Советского Союза за прошедшие двадцать лет. Он отметил, что существующий в настоящее время большой интерес к советскому прошлому связан не с банальным «превращением в историю» – отдаленностью во времени, а, напротив, с актуальностью этого прошлого для понимания настоящего. Конец холодной войны – это конец определенного мироустройства. Плат признал научное сообщество к пересмотру советского прошлого для создания концепций будущего. Стефен Биттер сделал доклад на тему «Дефект конструкции или целенаправленное разрушение? Хронология коллапса Советского Союза». Он отметил, что конец СССР можно рассматривать с трех различных исследовательских позиций: во-первых, его можно понимать как распад многонационального государства, во-вторых, как крах плановой экономики, экономический коллапс, в-третьих, как конец холодной войны. По мнению Биттера, решающее значение имеет 1953 год – смерть И.В. Сталина, а хрущевская «оттепель» была началом конца биполярного миропорядка.

В США в марте 2006 года вышло в свет американское издание новой биографии Сталина, автор которой делает попытку представить «человеческий портрет» советского вождя (Роберт Сервис. Биография Сталина. – Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2006). Книга, написанная известным британским историком Робертом Сервисом, впервые была издана в конце 2005 года в Великобритании. Как отмечают в самом издательстве, книга является «первой полномасштабной биографией» Сталина за последние 20 лет. «Сталин не был мстительным диктатором, а был человеком, очарованным социальными и национально-государственными идеями. Он был также интернационалистом, приверженным цели увидеть Россию, играющую сильную роль на мировой арене», – подчеркивается в редакционной аннотации книги. «Сервис пересматривает имидж Сталина как диктатора, который ни перед чем не останавливался, власть которого не была безграничной и сталинская убежденность в том, что СССР окружают враги, тоже не была лишена оснований», – говорится в аннотации.

Книга английского историка Роберта Сервиса – явление исключительное и фундаментальное среди многочисленных исследований и сочинений, посвященных феномену И.В. Сталина. Она вне политической конъюнктуры, поэтому на десятилетие прочно войдет в классический канон историко-аналитических исследований жизни Сталина и его времени. Ро-

берт Сервис – оксфордский интеллектуал, один из крупнейших западных специалистов по социально-политической истории СССР и постсоветской России, автор работ «Общество и политика в русской революции» (1992), «Ленин: политическая жизнь» (в трех томах, 1985-1995), «Россия: эксперимент над людьми с 1991-го и по настоящее время» (2002), «История современной России: от Николая II до Владимира Путина» (2003), гармоничным образом сочетает в себе таланты скрупулезного исследователя и увлекательного повествователя жизненно важных этапов в эволюции И.В. Сталина. Один из важных шагов современной западной историографии в лице Сервиса – это переоценка роли Сталина в истории нашей Родины. Ведя игру по жестоким правилам своего времени, а, порой, усиливая их жестокость, Сталин добился превращения России, ослабленной и разоренной многолетней смутой, в мощную сверхдержаву. Триумф И.В. Сталина в XX веке стал общим триумфом нашей страны. В годы первой русской революции Сталин – один из влиятельных партийных организаторов социал-демократии на Кавказе. К этому времени он публикует первые политические произведения. В полемике с меньшевиками он постепенно становится одним из главных экспертов среди большевиков по национальному вопросу. Октябрьская революция была блестяще осуществлена большевиками. Победители формируют новое правительство – Совет народных комиссаров и Сталин получает в нем пост Народного комиссара по делам национальностей.

Сервис уделил большое внимание вопросу взаимоотношений В.И. Ленина и И.В. Сталина. Он показал, что Сталин рано и основательно избрал свой путь среди большевиков-ленинцев и никогда не был слепым исполнителем ленинской воли. И до революции, и в 1917 году, и в Гражданской войне Сталину приходилось иметь собственное мнение, отличное от мнения вождя. В последние два года жизни Ленина между ними возникли серьезные стратегические разногласия по вопросам национального строительства в связи с образованием СССР и организации партийного и государственного аппарата. Как показывает Сервис, одной из составляющих сталинского успеха, кроме искусной аппаратной борьбы, была и предпринятая им лично успешная кодификация ленинского наследия для партийных масс в виде ряда сталинских публикаций и выступлений, среди которых самой заслуженно популярной стала сталинская брошюра «Основы ленинизма». И.В. Сталин выдвигает собственное теоретическое

положение о возможности построения социализма в одной стране, чего ни В.И. Ленин, ни остальные большевистские лидеры никогда не предполагали. К концу 1920-х годов и на среднем, и на высшем партийном уровне Сталину удается расставить своих явных и преданных сторонников. К середине 1930-х годов И.В. Сталин продемонстрировал стране и всему миру результаты бурных преобразований, которые Сервис назвал «сталинским модернистским волшебством». Особое направление сталинской заботы – управление нациями в многонациональном СССР. Сервис отмечает, что для коммуниста Сталина не существовало особых различий между либеральными и фашистскими государствами, ведь все они по определению были странами капиталистическими. В условиях надвигающейся войны советский лидер не захотел оставаться в международной изоляции и тем более в недружественных отношениях с Германией. Заменяя на посту наркома иностранных дел бывшего меньшевика М.М. Литвинова на «старого» большевика В.М. Молотова, он пригласил гитлеровского министра иностранных дел Риббентропа в Москву, где в итоге и был подписан знаменитый пакт между СССР и нацистской Германией. К Советскому Союзу фактически отошли все бывшие земли царской России – значительная часть Польши, вся Прибалтика, позже – Бессарабия-Молдавия.

Чтобы объективно оценить роль Сталина в судьбе нашей страны, необходимо вспомнить, какая перспектива планировалась внешними силами в отношении России в самом начале XX века. Известно, что в масонских кругах Франции все настойчивее выдвигалась идея расчленения России. Еще Парвус – известный деятель мировой закулисы, в 1915 году предложил немцам свой план расчленения России, который и был принят. Более того, не большевики, а Временное правительство ликвидировало русское самодержавие, что означало фактическое уничтожение Российской Империи. Октябрьская революция повернула события в другую сторону. На протяжении всего нескольких лет была в основном восстановлена территориальная целостность Российской Империи. И заслуги И.В. Сталина в историческом восстановлении российской государственности неоспоримы. Дальнейшее развитие России было возможно в двух направлениях. Одно направление – экстремальный марксизм с идеей перманентной революции, представлял Л.Д. Троцкий и его единомышленники. Другое – умеренное направление социализма возглавлял И.В. Сталин. России тогда повезло – победила сталинская линия, на-

правленная на дальнейшее восстановление российской государственности. В результате на протяжении 1930-х годов произошел поворот политики руководства страны к национальным истокам: коллективизму и общинности, осознанию принадлежности к единому государству, превалированию национальной идеи над индивидуальным стяжательством, умению жертвовать собой. Перед СССР стояла задача построения мобилизационного общества. Сталин с этой задачей справился, на полученный от коллективизированного крестьянства хлеб он построил заводы, метро, танковые колонны, эскадрильи самолетов, предоставил массе безграмотных рабочих и крестьян возможность получения бесплатного образования. Для того чтобы оценить роль И.В. Сталина в Победе, надо понимать, что представлял собой германский фашизм, который стремился не просто к мировому доминированию, а к физическому уничтожению России и русского народа. Победа СССР над Германией означала второе спасение России, в котором выдающуюся роль сыграл Верховный главнокомандующий Иосиф Сталин. Масштабы полководческой деятельности И.В. Сталина в годы Великой Отечественной войны были поистине безграничны. Сталин осуществлял руководство всеми Вооруженными Силами страны, каждодневно направлял и координировал боевые действия всех фронтов и армий. Его деятельность пронизывала все важнейшие сферы внутренней и внешней политики Советского государства – от военной экономики и идеологии до дипломатии. Сталину в результате победы над Германией удалось вернуть ранее утраченные территории. Ему удалось создать всеславянский союз во главе с Россией в своеобразной форме стран социалистического содружества, что резко изменило геополитическое положение СССР и сделало нашу страну менее уязвимой в плане внешней опасности. Таким образом, по итогам Великой Отечественной Войны И.В. Сталин снова спас Россию. Вместе с тем, тяжелые уроки войны и неизбежность новой «холодной войны» убедили Сталина в необходимости дальнейшей индустриализации. В итоге была создана мощная научно-техническая база, связанная с разработкой ядерного оружия. Таким образом, ядерный щит современной России был выкован именно при Сталине и при его непосредственном участии. Так И.В. Сталин в третий раз в значительной мере способствовал спасению России перед лицом внешних угроз.

Одна из самых необычных новинок последнего времени в жанре non/fiction – вышедшая в русском переводе книга американского историка, профессора Мон-

клерского государственного университета Гровера Ферра «Тени XX съезда или анти-сталинская подлость» («Алгоритм», 2010), в которой детально разбирается знаменитый доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. В короткий срок она попала в категорию бестселлеров и успела стать библиографической редкостью. Следует отметить, что на Западе долгие годы основополагающим трудом по истории сталинского периода считалась работа маститого советолога Р. Конквеста «Большой террор». В данной работе исторические свидетельства использовались Конквестом откровенно жульническим образом. Сделанные автором выводы просто не соответствуют тому, что приводит исследователь в качестве доказательств в ссылках собственной книги. Все использованные источники подбирались по степени их враждебности к Сталину, независимо от надежности каждого из них.

Новая историческая школа (Джон Арч Гетти, Роберт Тэрстон, Роберта Мэннинг, Шейла Фицпатрик, Джерри Хау, Льюис Зигельбаум, Линн Виола) возникла на Западе в 1980-е годы как антитеза Конквесту и концепциям тоталитарной советологии времен «холодной войны». Проштудировав все имеющиеся свидетельства и, что еще важнее, стараясь сохранить объективность, исследователи новой школы показали несостоятельность троцкистских, хрущевских и горбачевско-ельцинских интерпретаций советского прошлого. В научном мире подлинной сенсацией стала книга «Истоки больших чисток» одного из основоположников новой школы Дж.А. Гетти, в которой ученому удалось опровергнуть множество ходячих мифов об И.В. Сталине. В США его труд был опубликован в годы горбачевской «перестройки», когда под прикрытием «гласности» в СССР массовыми тиражами выходила литература научных и политических оппонентов Гетти. Откуда же российские читатели могли узнать о работах Гетти, если ни одна из его книг по советской истории в самой России до сих пор не издана? Так дело обстоит с большинством из вышеперечисленных историков. Ни один серьезный исследователь не вправе принимать или не принимать что-то за истину в силу своих убеждений или предпочтений. Вопреки широко распространенным представлениям, главной мишенью идеологов постсталинской генерации был не сам Сталин, а политический курс и определенная тенденция, которые связывались с именем последнего.

Российский историк Юрий Жуков прямо указывает, что цель Н.С.Хрущева состояла в том, чтобы положить конец демократическим реформам, начатым, но так и не завер-

шенным при жизни И.В. Сталина. Сегодня «Сталин» и «демократия» в представлении многих это слова-антиподы, понятия, которые обозначают две несовместимые крайности, явления полярного свойства. Но такое мнение ошибочно. Сталин разделял ленинские взгляды на представительную демократию и стремился укоренить её принципы в национально-государственном устройстве СССР. Именно И.В. Сталин стоял во главе борьбы за демократизацию советского общества, борьбы, которая оказалась в самой сердцевине политических процессов, происходящих в СССР в 1930-1950-е годы. Суть их сводится к тому, чтобы роль компартии в управлении государством была бы значительно сужена, а выдвижение госуправленцев происходило не по партийным спискам, а на основе демократических процедур. В своих исследованиях историкам Юрию Жукову (Россия) и Джону А. Гетти (США) пришлось заново открыть глубоко запрятанный еще в хрущевские времена факт приверженности Сталина принципам демократии. Осмысление исторической личности масштаба И.В. Сталина должно выходить за рамки уголовного права, иначе можно признать уголовными преступниками и вычеркнуть из истории Петра Великого, которого Бердяев называл «большевиком на троне», Бисмарка «железом и кровью» создавшего объединенную Германию, Линкольна, решительно подавившего сепаратизм южных штатов, в общем, всех крупных исторических деятелей прибегавших к насилию. Кроме того, осмысление деятельности Сталина невозможно без привлечения как можно большего количества документов, раскрывающих не только трагизм, но и достижения сталинской эпохи.

Источниковую базу изучения сталинской национально-государственной политики должны составить документы Российского архива социально-политической истории (РГАСПИ), в частности, документы фонда № 558 – фонда И. В. Сталина, которые проливают свет на национально-государственную политику вождя. Особый интерес представляют документы периода 1917-1923 годов, раскрывающие ключевые проблемы формирования новой российской государственности и степень личного участия Сталина в разрешении этих проблем. Немаловажное значение имеет тот факт, что фонд № 558 комплектовался из самых различных документов – личной переписки, служебной корреспонденции, стенограмм заседаний различных партийных и государственных ведомств и комиссий. Определенный исследовательский интерес могут вызвать документы 17 фонда РГАСПИ – фонда ЦК КПСС.

2-я опись данного фонда содержит материалы пленумов ЦК партии большевиков, 125 опись – материалы Управления агитации и пропаганды ЦК. В частности, вызовут определенный интерес неизвестные ранее широкому кругу исследователей документы о принятии решений по образованию СССР, восстанию в Грузии в 1924 году, вопросу о создании Российской Коммунистической партии в 1925 году, о размежевании среднеазиатских республик в том же 1925 году. При изучении проблем национально – государственной политики И.В. Сталина 1920-30-х годов, неоценимую помощь окажут документы следующих фондов РГАСПИ: 71 фонд – фонд Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Отдел истории КПСС, опись 10 – сектор произведений И.В. Сталина (1936-1956 годы), 77 фонд – фонд А.А. Жданова, 80 фонд – фонд С.М. Кирова, 62 фонд – фонд Среднеазиатского бюро ЦК РКП (б). Также необходимо использовать материалы по истории формирования новой российской государственности, хранящиеся в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ) в фонде № 1318 – фонде Наркомата по делам национальностей. Широкое использование архивных источников позволит детально и объективно рассмотреть следующие аспекты государственной деятельности И.В. Сталина: становление и развитие сталинской концепции федерализма; личного участия И.В. Сталина в национально-государственном переустройстве России в 1917-1921 годах; борьбу Сталина и его соратников с радикальными национал-уклонистами в 1922-1923 годах; складывание сталинской системы управления СССР в 1920-30-е годы; особенности сталинского советского державного патриотизма.

Сегодня необходимо переосмыслить эволюцию национально-государственной политики И.В. Сталина в период от крушения Российской Империи в 1917 году до завершения образования СССР в начале Второй мировой войны, то есть до вхождения в состав Союза территорий Западной Украины и Белоруссии, Выборгской области, Прибалтики, Молдавии и Северной Буковины. Именно в этот период родилось и сформировалось новое государство – Советский Союз, ставшее геополитическим приемником Российской Империи, но имевшее качественно другое внутреннее содержание. Особенности происхождения и эволюции Советского государства неразрывно связаны с национально-государственными идеями и политикой И.В. Сталина. Взаимодействие конкретных внешнеполитических, региональных, экономических, внутривнутриполитических и прочих обстоятельств, имев-

ших место в период 1917-1941 годы, оказали непосредственное влияние на идейную и политическую эволюцию Сталина как государственного деятеля. Современным исследователям необходимо объективно и взвешенно проанализировать основные периоды эволюции национально-государственной политики И.В. Сталина: первый период – от свержения монархии в марте 1917 года до советизации Закавказья, закончившейся в марте 1921 года. Именно за эти четыре года произошла метаморфоза превращения Сталина из решительного противника самого принципа федерализма до взятия власти большевиками, до ведущего теоретика и практика советского федерализма после Октября 1917 года. Привлечение архивных документов, большинство из которых не вводились в научный оборот, поможет изучить довольно значительное влияние И.В. Сталина на общую стратегию и тактику национально-государственной политики большевиков в период интервенции и Гражданской войны, а также выявить личное участие Сталина в конкретных акциях по присоединению к Советской России новых территорий и созданию различных автономий в составе РСФСР; второй период – 1921-1923 гг., характеризуется наличием различных подходов в большевистской партии к проблемам строительства нового союзного государства. Главное внимание исследователей следует уделить изучению причин, хода и последствий борьбы централистского крыла партии во главе с И.В. Сталиным и национал-коммунистическими течениями, ратовавшими за различные формы децентрализации СССР. Особо следует изучить «дело Султан – Галиева», имеющее ярко выраженные геополитические аспекты; третий период – 1924-1941 гг., сформировавший особенности развития сталинской системы управления окраинами, позволяющей сопоставить новое национально-государственное образование с системой государственного управления, существовавшей в Российской Империи. Отдельной исследовательской задачей, безусловно, является комплексный анализ территориального роста СССР в 1939–1940 годы и личного участия И.В. Сталина в создании советского державного патриотизма в 1930-е годы, возродившего традиционные геополитические интересы России в новом государственном качестве – СССР.

Проблемы российской и советской цивилизаций активно обсуждаются, но до окончательных ответов еще далеко. Использование общих положений «цивилизационных» теорий с учетом наработок отечественных историков и философов позволяет

углублять анализ основ тысячелетнего развития России. Данный исследовательский опыт в нашей стране насчитывает уже более столетия [13, с.250]. Началом профессионального изучения можно считать 1869 год, когда вышла книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» с формулировкой особого славянского культурно-исторического типа. В советское время аналогичные исследования были незначительны, но эмигрантская школа евразийцев в 1920-1930-х годов подхватила эстафету от дореволюционной науки, поставив в центр внимания историческую судьбу России и ее место среди прочих цивилизаций. В 1990-х годах широкое обсуждение этих проблем началось в постсоветской России. Это было вызвано необходимостью осмысления нового положения нашей страны после декоммунизации и развала Советского Союза, исторически предопределенного гибелью Российской Империи. Свержение самодержавия и образование Временного правительства в 1917 году привели к изменению правовой основы российского государства. Действовало большинство статей «Свода законов Российской империи», «Табель о рангах». В декларации 3 марта 1917 года Временное правительство отменило национальные ограничения, а форму правления и конституцию должно было принять Учредительное собрание. Спустя полгода Россия была провозглашена демократической республикой (14, с.199). Территориально наша страна признавалась единой и неделимой. Повсеместно вводилась областная автономия, но изданные областными властями законы не имели силы, если противоречили основным законам (конституции) страны: Центральная рада провозгласила автономию Украины и самостоятельно избрала правительство – Генеральный секретариат; Временное правительство создало для управления Средней Азии Туркестанский комитет, а для Кавказа – Особый Закавказский комитет; были упразднены должности генерал-губернаторов, губернаторов, градоначальников, полицмейстеров, исправников, земских начальников и др., их заменили в губерниях, уездах и городах комиссариаты Временного правительства; был издан правовой акт о комиссариатах, которые осуществляли надзор за соблюдением законов, постановлений и распоряжений правительства местными органами управления и самоуправления; Временное правительство обещало в будущем предоставить Польше независимость. В марте 1917 года был изменен правовой статус Финляндии. В июле финляндский сейм принял закон о своих законодательных и исполнительных

полномочиях, Временное правительство признавалось носителем верховной власти. 23 ноября сейм провозгласил Финляндию независимым государством, а в декабре 1917 года большевики признали независимость Финляндии и вывели с ее территории российские войска. Временное правительство начало реформу местного управления и судопроизводства. В Сибири, Калмыкии, Казахстане вводились земские учреждения. Велась работа над законопроектом о вакуфном имуществе. Комиссары Временного правительства, опасаясь сепаратистских устремлений, пытались добиться децентрализации управления, введения общественно-хозяйственного самоуправления, а также широкой культурно-национальной автономии, которые укрепили бы государственное единство России. В Государственной думе усилилась работа национальных фракций. Так, от мусульманской фракции Думы ставились вопросы государственного устройства, культурно-национального самоопределения, судебной реформы и др. Представители Сибири, Башкирии, Казахстана, Туркестана, Кавказа и Крыма ориентировались на создание автономных республик [15, с.294, 318-320, 324-326]. Постепенно выделилось два крыла – сторонников национально-культурной автономии в унитарном государстве (Сибирь) и приверженцев демократической федерации, без права выхода из состава России.

Среди общероссийских политических организаций самые радикальные позиции занимала партия большевиков, выступавшая за самоопределение наций, вплоть до политического отделения, что и было подтверждено в 1917 году декретами о признании государственной независимости Финляндии, Польши и Тувы. В период подписания Брестского мира большевики были готовы пойти на большие территориальные потери. Национально-государственные положения большевизма были законодательно закреплены в «Декларации прав народов России», которая отменяла все национальные привилегии, подтверждала равенство всех народов России, их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Аналогичные идеи были сформулированы в обращении Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Усилился процесс разрушения страны. Украинская рада критически оценивала политическое и экономическое состояние России. Краевой совет рабочих и солдатских депутатов Туркестана не включил в свой состав местное мусульманское население как неопределившееся к власти

Советов. В Тифлисе 15 ноября 1917 года местными национальными партиями было создано правительство Закавказья – Закавказский комиссариат во главе с Закавказским сеймом. В то же время национальные советы Грузии, Армении и Азербайджана высказывались за создание отдельных национальных государств. В Дагестане была провозглашена Республика горцев Северного Кавказа. Был подписан договор о совместной борьбе с большевиками, были отменены все декреты Советской власти. На Украине в апреле 1918 года провозглашена Украинская Держава во главе с гетманом П. Скоропадским, а в декабре 1918 года власть переходит к Директории, образованной лидерами Украинского национального союза. В феврале ее председателем становится С. Петлюра. Вновь была воссоздана Украинская народная республика, объявившая войну Советской России.

В результате Октябрьской революции возникла Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. III Всероссийский съезд Советов в январе 1918 года принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Этот законодательный акт определил форму государственного устройства как свободный союз свободных наций, федерацию советских национальных республик. Первая в истории нашей страны Конституция была утверждена V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года. В соответствии со статьей 10 принятой Конституции Российская Республика провозглашалась свободным социалистическим обществом всех трудящихся, вся власть в котором принадлежит трудящимся, объединенным в городские и сельские Советы. Конституция закрепила национально-территориальное федеративное устройство России. Статья 49 относилась к ведению съезда Советов и ВЦИК признание выхода из Российской Федерации отдельных ее частей. В первой советской Конституции формы федерации еще не были определены. Высшим органом власти Конституция провозгласила съезд, на котором избирался ответственный перед ним Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, являющийся не только законодательным, но и исполнительным органом. Конституция РСФСР не определяла национально-государственный состав страны, так как многие народы только приступили к воссозданию своей национальной государственности. РСФСР стала одновременно союзным государством и федерацией на базе автономии [16, с.225-228, 234-235].

В период революции и гражданской войны центробежные тенденции привели к провозглашению нелегитимных нацио-

нально-территориальных автономий и областных правительств. Их было около 20, в том числе: Временное Сибирское правительство в Омске, Деловой кабинет Дальнего Востока в Харбине, казачьи – Уральское, Оренбургское, Сибирское, Алашская, Туркестанская, Башкирская национальные автономии. Идейно их объединил антибольшевизм. Данные автономии отличались по форме государственного устройства, принципам взаимоотношений центра и окраин, степени самостоятельности, отношения к федерализму. Например, Алашская республика признавала единство российских границ [17, л.71-72]. Комитет Учредительного собрания (Комуч), образовавшийся в Поволжье в 1918 году и состоявший в основном из эсеров, а затем передавший власть Уфимской директории, проводил самостоятельную национальную политику. Башкортостан признавался субъектом общегосударственного образования с правами на средства производства и создание армии, подчинявшихся центру.

Для Алаш-Орды и Национального управления тюрко-татар внутренней России и Сибири был предусмотрен статус территориально-национальных автономий.

Партия эсеров выступала за сохранение целостности России, за широкое местное самоуправление, но партийные мнения разделились по вопросу о самоопределении национальностей вплоть до отделения. Часть эсеров считала этот лозунг реакционным, усугубляющим гражданские войны и конфликты, отвечающим интересам сепаратистов по созданию Велико-Украины, Велико-Белоруссии, Велико-Грузии. Грузинские меньшевики выступили против решения Абхазского Народного Совета о вхождении в состав Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей как объединения, готового «содействовать всеми союзными средствами в подготовке их внутреннего устройства как самостоятельных штатов будущей Российской Демократической Республики» (18, л. 5, 7-8). Дашнакское правительство Армении в 1919 году отказалось выделить пастбища азербайджанским крестьянам, что привело к кровавому межэтническому конфликту. Произошла массовая резня армян в Азербайджане и азербайджанцев в Армении [19, с.143]. Временное Сибирское правительство в 1918 году приняло «Основное положение о границах культурной автономии национальностей Сибири». Разрешалось открытие учебных заведений и местных судов на родном языке, подтверждалось равноправие языков в районах со смешанным населением. Национальные органы власти

признавались как представительные по вопросам культурной автономии и местного самоуправления. Эта программа фактически не вышла за рамки сибирских реформ М.М. Сперанского начала XIX века.

В отличие от Комуча, правительство адмирала Колчака, пришедшее на смену сибирскому правительству, ликвидировало автономию Башкирии, издало указы о роспуске башкирских и казахских войск. Самостоятельно действовали сибирские областники, они готовили выборы во всероссийский представительный орган. Эту идею поддерживали профсоюзы, кооперативы, земства, интеллигенция, казачество, национальные организации татар, казахов, якутов, бурят. Областники считали закономерным рост центробежных тенденций в условиях революции и настаивали на особом статусе Сибири. За центральной властью России они оставляли внешнеполитическую деятельность, армию, суд и утверждение областных законов. Представители казахской автономии (Алаш-Орда) настаивали на автономном устройстве в составе федеративного государства, отказывались от посредничества сибирских областников. В Декларации Добровольческой белой армии, подписанной генералом А.И. Деникиным, говорилось о единой и неделимой России, областной автономии и широком местном самоуправлении. Но в условиях постоянных военных действий и отхода на юг, население центра и юга России, Украины не восприняло эту национально-государственную доктрину правительства Деникина, так как в полиэтническом обществе нарастал центробежный процесс, популярны были идеи национализма и государственной независимости. Сложные отношения сложились у Добровольческой белой армии с Донским и Кубанским казачьим войсками. Генерал Деникин настаивал на дореволюционном статусе казачьих земель, имевших различные степени автономности. Но казачество настаивало на федерации, предполагающей свои законы, суд, армию, администрацию. В результате члены Законодательной Рады Кубанского казачьего войска по приказу Деникина были преданы военно-полевому суду. Судьба всех казачьих войск России в годы Гражданской войны сложилась трагически. Казаки, белые, красные, «самостийники» понесли большие потери в результате боевых действий и репрессий.

Национальная политика партии большевиков строилась на рациональных позициях. В.И. Ленин говорил о Союзе социалистических наций, о федеративном государстве, но на практике построение федеративных отношений оказалось сложным делом [20,

с.237-239, 242-243, 256]. Вначале это была федерация областей, образованных как по национальному, так и территориальному принципам. Первоначальная схема федерации советов могла способствовать развитию процесса децентрализации, поэтому и была заменена более централизованной структурой союза наций или федерацией советских национальных республик, при которой правовая основа государственной самостоятельности признавалась за национальными советами. При реализации своей национально-государственной политики большевики учитывали противоречие между интернационалистическим курсом и этническим составом провозглашенных республик. Советизация государственного устройства позволила им обойти это противоречие, хотя национальные требования, резко усилившиеся в ходе трех российских революций, оставались актуальными. Так, на заседании Всероссийского Учредительного собрания в январе 1918 года ставился вопрос о признании за всеми населяющими Россию народами права на территориальное и национальное культурное самоопределение [21, с.51]. Летом 1920 года в Баку на Первом съезде народов Востока были декларированы решения Второго конгресса Коминтерна о национальном вопросе. Многие видные национальные деятели заявили о противоречивости классового подхода к решению национальных проблем. Так, З. Валидову вначале удалось достичь соглашения с Москвой об автономии Башкирии, но партийная комиссия, присланная из центра, объявила Башревкомом националистической организацией, поставив ее вне закона. Аналогичная ситуация повторилась в Хорезме и Бухаре, где военным путем были ликвидированы легитимные государственные образования. В Туркестане комиссия ЦК РКП (б) обвинила Т. Рыскулова в пропаганде пантюркистских идей среди тюркских народностей. Т. Рыскулов предложил такие формы управления Туркестаном, которые, являясь по форме советскими, в действительности имели четко выраженную восточную специфику, что и послужило одной из причин развития басмаческого движения. Турккомиссия и Особый отдел Туркфронта, по мнению Рыскулова, вмешивались во все сферы жизни местного общества, что вело к «насильственному сужению Туркестанской конституции».

Л.Д. Троцкому принадлежала идея о продвижении мировой революции на Восток. Эту идею разделяли многие его сторонники в ЦК РКП (б). Троцкий добивался направления в Индию специального экспедиционного корпуса, а на Урале или в Туркестане – фор-

мирования «политического или военного штаба азиатской революции». В то же время большевистские лидеры не имели практического опыта работы на востоке России, что особенно ярко проявилось в период советизации оседлых и кочевых районов, принудительного перевода на оседлость кочевников, всеобщей коллективизации (22, с.257-263, 276). После Октябрьской революции Закавказье оказалось вне сферы влияния большевиков, но в 1919 году силами XI армии им удалось свергнуть мусавитистское правительство в Азербайджане. Правительство Армении само обратилось с предложением ввести части Красной Армии на свою территорию, после чего был подписан акт отречения его от власти и передачи полномочий ревкому. В мае 1920 года был подписан мирный договор между Советской Россией и Грузией, по которому признавались суверенитет и независимость грузинского государства. Позднее большевистское правительство переходит к созданию Закавказской федерации и оформляет новый правовой акт о ее слиянии с Россией. Некоторые исследователи усматривают в этих действиях правовую противоречивость, когда предыдущая законодательная база не отменяется, а заменяется другой.

После окончания Гражданской войны возникает необходимость перехода от договорных отношений между республиками к новым правовым формам. Национально-государственное строительство осуществлялось большевиками в соответствии с принципом «демократического централизма» через систему партийных инстанций как накануне подготовки образования СССР, так и в процессе его конституционного оформления. Конституция 1924 года декларировала добровольное вступление в состав Союза и выход из него отдельных республик, их статус суверенного государства. Созданию СССР предшествовал Пленум ЦК РКП (б) 6 октября 1922 года. На I съезде Советов СССР 30 декабря 1922 года была утверждена Декларация и Союзный договор об объединении в одно союзное государство РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР. Правовой механизм создания СССР не исключал возможных центробежных тенденций, но Основной Закон, а также включенные в него Декларация и Союзный Договор, утвержденные 31 января 1924 года II съездом Советов ССР, способствовали процессу политической централизации страны. Содержание Конституции СССР 1924 года полностью соответствовало всем общепринятым международным нормам [23, с. 16-22].

Последующий период развития СССР характеризовался активным процессом

централизации в национально-государственном строительстве. Одновременно увеличивалось число национально-территориальных образований, повышался их формально-правовой статус. На первом этапе большевиками учитывалась специфика многонационального государства. На Советском Востоке в 1922 году были возвращены духовным учреждениям вакуфные земли, восстановлены суды адата и шариата, проявлялась терпимость в отношении мусульманских норм поведения в обществе. В рамках концепции построения социалистического общества большевики приступили к реализации грандиозного социального эксперимента по переходу от феодализма к социализму. Была проделана огромная работа в области преобразования промышленности и сельского хозяйства, здравоохранения и образования, демографии и культурного строительства.

Однако в национальных районах (Кавказ, Казахстан, Средняя Азия, Сибирь, Крайний Север) одновременно с социалистической модернизацией шла консервация находившегося вне правового поля традиционного уклада – клановых, племенных, семейно-родовых отношений, мусульманских обрядов и обычаев. Национальная элита органично вращалась в советскую номенклатурную систему. В то же время в республиканско-государственном строительстве оставался ведущим принцип «одна нация – одно государство», что этнополитической ситуации в стране. Границы советских республик часто не совпадали с историческим ареалом этнического расселения. По политическим соображениям советского руководства нелегитимно передавались обширные территории от республики к республике – Крыма от РСФСР к Украине, Пахта-Арал от Казахстана к Узбекистану. Этническое картографирование в СССР брало в расчет два приоритета: преимущество в прошлом угнетенной нации, для которой создавалась новая государственность, интересы экономического развития образуемых национальных республик и областей. Отсюда на практике возникли республики, где иноэтничное население по численности приближалось или превышало коренное население. Без правовой основы центральные и местные власти инициировали создание новых образований за счет территорий, население которых нередко тяготело к иной социокультурной модели поведения. Партийные и советские органы проводили политику расселения и переселения в административных единицах. В 1924-1925 гг. было проведено национально-государственное размежевание в Казахстане и Средней Азии,

в результате чего создавалась этническая чересполосица, так как невозможно было совместить этнические и административные территории. В результате возник целый ряд проблем во взаимоотношениях между Киргизией и Узбекистаном, между Казахстаном и Узбекистаном. Аналогичные примеры можно привести и для других регионов страны. Малочисленным народам Севера вначале были предоставлены права на самоуправление с учетом обычаев и традиций (родовые советы и их съезды, туземные управы). Позднее были созданы национально-административные образования, получившие статус национального округа. Исторически не оправдал себя опыт создания национальных районов и сельсоветов. Процесс их организации осуществлялся по льготным, а не правовым нормам, когда представители национальных меньшинств, рассредоточенные чересполосно, настаивали на создании национальных районов, которые были экономически неэффективны, но имели большие успехи в области образования и культуры. Ответом на нелегитимное территориальное размежевание, социально-экономическую и антиконфессиональную политику местных властей были акции протеста в национальных районах. Сохранились документы об операциях по разоружению населения в 1925–1926 гг. в Ингушетии, Чечне, Северной Осетии, Дагестане, в 1929 году – в Аджарии [24, с.291–296].

Советская правовая система была единой по всей стране и не имела национальной направленности. Например, ликвидация кулачества как политико-социальное явление осуществлялась в соответствии с правовыми актами того времени. Данная политика Советского правительства не является национальным геноцидом, так как репрессиям подвергалась зажиточная часть крестьянства, включавшая представителей всех народов нашей страны. В западной историографии постоянно поднимается тема о великорусской империи и планомерной политике русификации народов в Российской Империи и СССР. Русские имели двойное государственное самоопределение – республиканское и общесоюзное, что было закреплено в Конституции 1924 года. Создание национальных республик и автономных областей не было правовым ограничением для представителей многонационального населения, в том числе русского как самого многочисленного. Борьба с колониальным наследием в национальных районах не может рассматриваться как целенаправленная политика игнорирования национальных интересов русских, что не подтверждается исторической практикой. Хотя на X

и XII съездах партии, где рассматривался национальный вопрос, говорилось и о борьбе с великорусским шовинизмом. После принятия правительственных постановлений о ликвидации казачьих войск как сословия в 1920-х годах, последовали репрессии против полиэтнического по составу казачества, был перераспределен казачий земельный фонд. Аналогичная ситуация произошла и с другими сословиями – дворянством, купечеством, мещанами, зажиточной частью крестьянства, буржуазией, духовенством всех конфессий. Это была единая государственная политика, отстаивавшая интересы рабочего класса и беднейшего крестьянства, но и она не была дискриминационной по национальному признаку.

На рубеже XIX–XX вв. в Казахстан и Среднюю Азию в результате вольной и правительственной колонизации переселилось многомиллионное полиэтническое население, большую часть которого составляли русские из европейской части России. В результате произошло изъятие огромного земельного фонда для переселенцев в национальных районах Сибири, Казахстана, Средней Азии, Новороссии, Кавказа. Декolonизационные мероприятия правительства РСФСР и СССР предусматривали возвращение части переселенческого фонда и казачьих земель коренному населению. Это была болезненная акция, во время которой были нарушены интересы различных национальных групп, в том числе старожильческого и переселенческого русского населения [25, с.297–301]. Частью национально-государственной политики большевиков была политика коренизации, которая должна была включить народы республики в систему административно-государственного управления. Нельзя отрицать сложившиеся диспропорции между правовым положением населения на национальных окраинах и центре дореволюционной России. Попытки Советской власти приблизить народы национальных окраин к участию в управлении были легитимными и справедливыми. На практике при проведении коренизации допускались ошибки, увольнялись квалифицированные сотрудники местного аппарата управления, среди которых были представители разных народов, что не являлось целенаправленной политикой национальной дискриминации некоренных народов на национальных окраинах. В Конституцию РСФСР 1924 года был вписан ленинский принцип самоопределения народов, но не была зафиксирована статья о праве выхода из состава государств [26, с.332]. Позднее эта статья получила правовой статус.

Национально-государственная политика И.В. Сталина была направлена на выравнивание экономического уровня отсталых республик, поэтому была связана с проблемой деколонизации. Но ей предшествовала культурная революция, которая принесла всем народам ликвидацию безграмотности, создание алфавитов и письменности для тех народов, у которых не было письменности, массовое получение квалифицированных, в том числе технических профессий. В национальных регионах сформировалась система здравоохранения, были побеждены эпидемии чумы, холеры, туберкулеза, трахомы. И только в период индустриализации страны И.В. Сталин поставил вопрос о выравнивании экономического уровня отсталых республик. Нельзя утверждать, что происходила искусственная перекачка средств и ресурсов из центра в бывшие колониальные окраины, неготовые к технологическим новациям. Действительно, началось строительство промышленных предприятий на Урале, Сибири, Кавказе. В отдельных регионах это было связано с наличием богатейших залежей полезных ископаемых, без которых не могли работать традиционные промышленные районы Европейской России, Украины, Белоруссии. Поэтому сталинскую модернизацию нельзя связывать только с идеологическими аспектами, требовавшими формирования однородной социальной структуры общества. Неравномерное финансирование из государственного бюджета национальных республик дало возможность И.В. Сталину создать мощную индустриальную базу на востоке страны. Это позволило во время Великой Отечественной войны, опираясь на созданный в предвоенные пятилетки экономический потенциал, добиться победы над фашистской Германией.

Часть национальных республик оставалась дотационной, так как социокультурные традиции населения тормозили развитие модернизации в районах Крайнего Севера, Дальнего Востока, Северного Кавказа. Это была традиционная схема развития для большого многонационального государства, в которой просматриваются диспропорции север-юг, запад-восток. Сталинская политика в области индустриализации имела историческую перспективу, была легитимна, но имела и свои негативные последствия, в частности, было ослаблено развитие нечерноземных областей центральной России. Население этих исконных российских районов в результате миграций направлялось на строительство промышленных гигантов и электростанций на востоке страны, осваивало новые

месторождения, создавало нефтегазовый комплекс и транспортную инфраструктуру, поднимало целинные и залежные земли. Складывалось новое многонациональное общество на интернациональных принципах, где каждый народ стал субъектом публичного права в составе федерации. В послесталинский период деформации в национально-государственной политике советского руководства коснулись: принципов федерализма в межнациональных отношениях – происходило постоянное сужение суверенных прав республик и автономий в сфере экономики, социального развития, культуры, науки; правовых нарушений в сфере межнациональных отношений – недостаточное внимание к развитию отдельных народностей и национальных групп; ускоренного введения в практику теоретического положения о сближении и слиянии наций, формировании новой общности – советского народа; разрыва между теорией и практикой в достижении фактического равенства всех наций и народностей страны и беспроblemности межнациональных отношений; недооценки растущего национального самосознания, способствующей формированию национального экстремизма и сепаратистских настроений; обособления по национальному признаку, приведшему к усложнению общего развития страны.

В современных исследованиях выделяются основные недостатки советской национальной политики 1960-1980 гг. [27. с.301–303, 317, 346-354]: не всегда соблюдались Конституция и законы СССР, решения высших органов власти и государственного управления; не реализовывались преимущества социалистической федерации, не критиковались конфедералистские устремления, ослаблявшие государство в целом и каждую союзную республику в отдельности; Конституция СССР не закрепляла новые принципы межнациональных отношений; не было обязательным участие союзных республик в решении наиболее важных вопросов политической, экономической и социально-культурной жизни страны; не разрабатывались дополнительные правовые гарантии для свободного развития национальных и этнических групп и численно малых народов в соответствии с традиционными условиями жизни, труда, самобытной культуры и приобщения к достижениям цивилизации; не было достаточно публичным обсуждение основных положений готовящихся правовых актов по национальным отношениям; не развивался правовой статус союзных и автономных республик, автономных областей и округов, не готовились соответствующие изменения Конституции

СССР; искажение принципа суверенитета республик могло стать средством ущемления прав народов, породить неравенство между коренным и некоренным населением, ослабить и подорвать традиционные экономические связи и ударить по жизненному уровню населения; Совет Национальностей Верховного Совета СССР за все время своего существования не выполнил своих прямых задач по вопросам межнациональных отношений; не были образованы в союзных республиках двухпалатные Верховные Советы; не был создан общегосударственный орган по делам национальностей и межнациональных отношений; отсутствовало правовое обеспечение принципа представительства всех национальностей в органах власти в центре и на местах; присутствовали правовые ограничения на участие союзных республик во внешнеполитической деятельности и развитии международных связей СССР. Большие возможности были предоставлены трем республикам – членам ООН – России, Украине и Белоруссии как наиболее пострадавшим в Великой Отечественной войне; отсутствовал правовой механизм рассмотрения и решения вопросов о национально-территориальных спорах между союзными республиками, автономиями, а также обращений вышеназванных к центральным органам власти и управления СССР; требовалось расширение правовых гарантий в реализации национальных культурных запросов советских граждан, проживавших за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих таковых; отсутствовали законодательные акты о национально-культурных общественных организациях и учреждениях, в которых осуществлялись права всех наций, народностей, этнических групп на свободное развитие своей культуры, изучение национальных языков; не прорабатывались правовые вопросы подготовки национальных кадров, деятельности национальных школ, издательств, средств массовой информации; требовалась новая редакция Закона СССР о гражданстве, в том числе его статей о соотношении союзных и республиканских гражданств. Вопрос о гражданстве не был увязан с правами человека, с нормами, нашедшими отражение в международных документах о правах человека; присутствовала потребность в расширении возможностей судебного разрешения социально-бытовых конфликтов, возникающих на межнациональной почве; не велась борьба с нарушениями законности, прав граждан на почве межнациональных отношений. Правоохранительные органы должны были усилить ответственность

организаций и граждан за разжигание национальной розни, оскорбление национального достоинства, за проповедь расовой или национальной исключительности. Все это проявлялось в контексте общего системного кризиса, потери управляемости страной, утрате М.С. Горбачевым стратегических ориентиров, в том числе в межнациональных и внутринациональных отношениях.

СССР состоял из мозаики цивилизационных блоков, функционировавших в разных политических, экономических и социальных режимах, что способствовало развалу страны. Процесс отделения республик не был строго хронологически регламентирован, не имел правовой базы, осуществлялся по самому неконструктивному варианту. В результате беловежского соглашения СССР прекратил свое существование. Перед Российской Империей и СССР встали непреодолимые препятствия, способствующие развитию центробежных сил и развалу. Постоянное территориальное расширение делали хрупкой конструкцию государства. Страна на различных хронологических этапах включала огромные фрагменты иных цивилизаций и культур различных этносов, жизненных укладов, религий, часть из которых принадлежала к традиционным доиндустриальным цивилизациям, которые необходимо было реструктуризировать и модернизировать.

Особенно остро решение этих задач встало перед СССР в условиях приближающейся Второй мировой войны. Для сталинской модели модернизации необходимы были национальные кадры. После разоблачения культа личности И.В. Сталина на индустриальном северо-западе страны и частично модернизированном юго-востоке сложились условия для развития национализма. Высокий рост населения на юго-востоке, политика социального равенства привели к возникновению регионов-доноров и дотационных, к замедлению темпов экономического развития, усложнению межнациональных отношений, росту правовых нарушений и коррупции, укреплению этничности как критерия политической стратификации. Сталинская национально-государственная политика способствовала расцвету наций, форсировала их консолидацию, связывая этничность с властью и территорией. Советское государство при И.В. Сталине способствовало правовой институционализации этничности как политической категории, фиксируя ее в паспортах, а территории – за крупными этносами и этническими элитами. Последние стремились обрести более высокий политический статус, подталкивая этнополитические общно-

сти к реализации легитимного права на собственную государственность.

Исторически Россия была многонациональным государством. В ходе образования Российской Империи многие народы добровольно или силой оружия были присоединены к России. Самодержавие проводило жесткую, но одновременно осторожную национальную политику. Сложились многовековые связи народов России, но одновременно были негативные моменты, усугубляемые имперской политикой подавления, угнетения, попытки решить проблемы, сталкивая народы друг с другом. В Российской Империи национальная политика регулировала политическую, социальную и конфессиональную жизнь «инородцев», представляющих разные конфессии и принявших православие. Она выстраивалась в центре, получала правовое оформление и осуществлялась на национальных территориях. При этом признавались и учитывались некоторые цивилизационные особенности жизни и быта «инородцев», их конфессия и исторические традиции. Несмотря на постоянные антиправительственные выступления народов России, самодержавию удавалось путем реформ, совершенствования правовой базы и карательных мер умиротворять национальные окраины, добиваться сохранения территориальной целостности государства и ослабления центробежных и сепаратистских тенденций.

Подъем национально-освободительного движения народов накануне и в ходе трех российских революций, рост национального самосознания привели к возникновению на территории Советской России многочисленных национальных государственных образований. Происходило постепенное, правда, далеко не всего бесконфликтное становление федеративного государства, а народы начали обретать статус субъектов национальной политики. К концу 1920-х годов началось превращение СССР в унитарное государство. Партия большевиков исходила из приоритета классового начала над национальным, в результате чего СССР, будучи формально федеративным государством, де-факто стал унитарным. Народы не были полноправными субъектами национальной политики. Это относилось и к народам, имевшим свои национально-государственные и национально-территориальные образования.

Субъектом национальной политики современной России является как федеральный центр, так и субъекты федерации. Российская Федерация имеет конституционно-договорной характер, где права центра и субъектов фиксируются в Основном

законе. Все участники федеративного союза обладают одинаковыми полномочиями. Любой выход за рамки конституционных полномочий центра разрушителен для федеративного государства. Но и губительна любая попытка унифицировать субъекты федерации, не учитывая их цивилизационных, национальных, исторических, географических, экономических, природных особенностей. В Российской Империи Финляндия, Польша, Хива, Бухара имели особый статус и права, хотя и разного уровня. Многовариативность должна иметь объективные пределы. Главным принципом построения федерации является единство и целостность ее территории, верховенство федеральной конституции и законодательства, общая внешняя и оборонная политика, единая финансово-кредитная и таможенная система [28, с.19-31, 38-56].

В советский период государственное строительство велось более целенаправленно, чем до революции, и к тому же сопровождалось мощным идеологическим обоснованием, чего не было в прежние времена. В целом для системы административно-территориального деления и управления в России можно определить следующие фундаментальные принципы: во-первых, в отличие от СССР, где управление всей территорией было унифицированным, в Российской Империи имелись значительные региональные различия в принципах и приемах управления. Главная причина этого разнообразия заключалась в постепенности формирования государственной территории и населения, а также в неодинаковых исторических обстоятельствах присоединения регионов. Таким образом, административная структура была объективно обусловлена самим ходом истории, развития страны. Вся система управления представляла собой сочетание общеимперских и местных административных канонів. Так, деление на крупнейшие провинции сопровождалось сохранением традиционных «дорусских» подразделений на низшем уровне – округов, волостей, улусов и т. д.; во-вторых, включение народов и территорий в состав России сопровождалось поглощением местных административных систем имперской государственностью. На протяжении XVI-XX вв. были присоединены такие политические образования, как: татарские ханства Поволжья, Крыма и Западной Сибири; казахские жузы; Кокандское ханство; царства, ханства и княжества Закавказья и Северного Кавказа; имамат Дагестана и Чечни; Украина; часть Речи Посполитой; был установлен протекторат над Бухарским эмиратом и Хивинским царством. В первой половине XX

века в состав Империи вошли, утратив независимость, прибалтийские государства и Тува (Урянхайский край); в-третьих, в отличие от советского времени, результаты экспансии в предыдущие столетия не выражались обязательной ликвидации местных управленческих структур. Правительство стремилось без резкой радикальной ломки адаптировать дороссийские институты к целям управления. Это вызывалось: нехваткой русских чиновников на громадном пространстве державы, стратегией на постепенное приспособление новых подданных к жизни в составе России. Полный слом национального государственного механизма происходил лишь после присоединения государства военным путем – татарские ханства, имамат Дагестана и Чечни. Но и в этом случае нижние звенья администрации (общинные, волостные и прочие) могли оставаться в том виде, в каком они существовали до прихода русских.

Время от времени правительство принимало радикальные преобразования провинциального деления и местного управления. Самые крупные из них – это областные реформы Петра I 1708 и 1719 гг. и губернская реформа Екатерины II 1775 года. Идея и терминология губернской системы порой копировали германо-шведские образцы [29, с.185–194], но на российской почве эта система в ряде элементов соответствовала допетровским структурам. Некоторые звенья управления, слепо перенесенные из Европы на российскую почву, довольно быстро отмерли. Наряду с сохранением существенных локальных различий, центральная власть пыталась постепенно унифицировать административную структуру регионов, вследствие чего карта Империи существенно перекраивалась. Во всех губерниях учреждалось единообразное штатное расписание чиновников, с детальной проработкой их функций и обязанностей. Текущая работа и функционирование канцелярий находились в ведении вице-губернаторов. При реформе 1775 года губернии нарезались из расчета по 300–400 тыс. человек в каждой и с делением их на уезды по 12–15 тысяч человек в каждом. Окраинные территории одна за другой утрачивали особый статус и превращались в обычные губернии с унифицированной системой налогообложения, правовым режимом и т.д. Тем не менее, к 1917 году в России еще имелось несколько областей со специфическим юридическим положением – казачьи войска, протектораты, горные округа, Польша и Финляндия. Указанные мероприятия проходили в русле объективной исторической тенденции к выработке единого стан-

дарта имперского подданства и управления, и объяснялись ее действием, а не зловещим умыслом удушить остатки этнической самобытности подданных народов, согласно утверждению националистически настроенных историков в странах бывшего СССР. Эта тенденция просматривается в России с начала XVII века, в связи с введением воеводского управления после Смуты, действовала на протяжении последующих столетий и обрела законченное выражение в XX веке. Рассуждать о каких-либо юридических отличиях или притеснениях республик в составе СССР вообще не имеет смысла.

В досоветское время Россия не делилась по национальному признаку. Причина заключалась в обычном для многих империй принципе равенства всех подданных перед престолом, вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности. Поэтому исторически невозможно было ввести в нашей стране регионально-этническое деление, так как оно нарушило бы всю историческую логику складывания государственной территории. Формально в разное время сохранялись присоединенные царства, а также азиатские протектораты, но все они были многонациональными, а также имели обозначения не по населявшим их народам, а по историческим областям и столицам – Польша, Бухара, Хива, Казань, Астрахань, Сибирь.

После Октябрьской революции одни народы Российской Империи стали «титутельными» для союзных республик, вторые – для автономных республик, третьи – для автономных округов, а четвертые остались без собственных административных образований. При этом русские не попали ни в одну из перечисленных категорий. Такое разделение, предопределившее будущие конфликты и развал государства, происходило во многом из декларируемого В.И. Лениным «права наций на самоопределение», хотя И.В. Сталин с начала 1920-х годов фактически строил унитарное государство. Различия в статусе национальных образований сыграли негативную роль и обнажили заложенную в них опасность только в 1980-1990-х годах, когда Советский Союз вступил в стадию необратимого кризиса.

Важным принципом государственной жизни являлось разграничение юрисдикции и, следовательно, компетенции между центральным правительством и региональными властями. На всех подданных Империи распространялись уголовные уложения, а административное законодательство разрабатывалось местными властями с учетом управленческих установлений и патриархальных обычаев местного населения.

Соответственно и некоторые функции судопроизводства передоверялись местным этническим элитам. Для отдельных территорий разрабатывались особые законодательные установления: решения Боргоского сейма 1809 года для Финляндии, «Устав об управлении сибирских инородцев» 1822 года, «Правила по управлению калмыцким народом» 1825 года и др. Особое место в имперской структуре занимали договоры о протекторате над Бухарским эмиратом 1867 года, Хивинским ханством 1873 года, Урянхайским краем (Тувой) 1914 года. Зачастую общеимперское деление на местах существовало параллельно с особыми региональными подразделениями: казачьими войсками, вассальными княжествами, горными округами, пограничными и приморскими управлениями; до 1867 года североамериканские владения России формально входили в Иркутскую губернию, хотя фактически управлялись аппаратом Русско-Американской акционерной компании; Тува, несмотря на формальное сохранение государственности (протекторат), была включена в состав Енисейской губернии Иркутского генерал-губернаторства. Кроме того, все государство делилось на округа по ведомственному принципу – военные, жандармские, судебные, учебные, церковные епархии. На местах уже действовали общеимперские нормы, и никаких локальных вариаций не допускалось. Такими же унифицированными были статус и обязанности служащих окружных учреждений.

Важным элементом регионального управления было сотрудничество центрального правительства с местными национальными элитами. Включение народов и племен в число имперских подданных происходило как военными, так и мирными путями. Но в любом случае для присоединенных земель избирались способы наименее болезненного вовлечения их в общую административную структуру Империи. Правительство шло на сотрудничество с местными элитами – дворянством, земельными магнатами, князьями, родоплеменной верхушкой, оставляя им определенную долю власти при условии лояльности и исправного исполнения финансовых и управленческих обязательств. Отношения с традиционной знатью народов на окраинах строились на совершенно иных принципах, чем с губернским чиновничеством, которое получало должности по назначению, а оклады – из государственной казны. В данном случае складывалась второстепенность для имперской власти этнической принадлежности подданных. Ликвидация местной аристократии практиковалась в единичных случа-

ях на первых этапах создания многонациональной державы – завоевание татарских ханств в XVI веке. Абсолютно доминировало вовлечение элит в структуру управления, которое достигалось: сохранением традиционных сословных прав и привилегий; включением в общий корпус российского дворянства; при переходе в православие – возможностью беспрепятственной карьеры на государственной и военной службе или при дворе.

На протяжении XVI – XIX вв. при управлении окраинами правительство почти никогда не заостряло вопроса о формальном статусе территорий. Считалось достаточным, чтобы данный регион: значился в высшей государственной символике – царском титуле, затем в гербе Империи; он включался в сферу компетенции внутренних, а не внешнеполитических центральных ведомств; входил в одну из крупных административных единиц – воеводство, губернию, наместничество и т.п.; на него распространялось действие общероссийского законодательства; все его население выплачивало налоги в казну и выполняло прочие обязательные повинности, например, рекрутскую – по набору в армию. Некоторые региональные особенности в административном устройстве и управлении, а также привилегии, дарованные местным элитам, воспринимались как царские пожалования, что исключало возможность разработки без участия царского правительства законодательных актов, и тем более конституционных проектов. В западных провинциях либеральная интеллигенция и дворянство предпринимали подобные попытки, вызываемые воспоминаниями об утраченной польской и литовской государственности. На восточных окраинах лишь в период революционного кризиса начала XX века стали действовать общественные движения, которые занялись разработкой основ национальной государственности. В СССР все союзные и автономные республики имели конституции, написанные по единому шаблону, а края и области формально входили в сферу действия законодательства соответствующей республики, и, естественно, союзного государства.

В XVIII веке возникло, а в XIX веке утвердилось одно из основных достижений российской государственной мысли – институт генерал-губернаторства. Генерал-губернаторы назначались императором, они управляли обширными территориями, зачастую выполняя столичные функции во внешнеполитической сфере. Генерал-губернатор Кавказа имел право самостоятельных контактов с Ираном, генерал-губерна-

тор Восточной Сибири – с Китаем. Вопрос о присоединении к России Тувы в начале XX века решался в иркутской канцелярии, Совету Министров оставалось только провести экспертизу, а императору – наложить резолюцию. Важнейшей неформальной функцией генерал-губернатора служила его роль политического «амортизатора» самодержавия. Большие властные полномочия позволяли ему решать экономические и отчасти политические проблемы региона, не перекладывая их на правительство. Подобная децентрализация власти позволяла предупреждать потенциальные конфликты на местах, не доводя их до общеимперского масштаба, исключая периоды глобальных социально-экономических кризисов. Это не означало закрытости центра для подданных, но депутаты польской шляхты, кавказской знати или сибирских родоплеменных предводителей допускались на царские аудиенции в виде особой милости. Обычно они обсуждали свои дела с русскими властями соответственно в Варшаве, Тифлисе, Тобольске или Иркутске. В данном случае уместно вспомнить об особенностях связей между центром и периферией, подтверждающих идеи Э.Шилза о применении в России «промежуточной модели» таких связей, осуществляемых посредством целой цепи инстанций-посредников. Присоединенные земли, а также регионы, в которых назревали беспорядки, могли получать ранг наместничества. Наместник, помимо общих административных обязанностей, командовал армейскими подразделениями, дислоцированными в его крае, а подведомственные ему учреждения заменяли отделения Центрального банка. Характерный пример такой политики – неоднократное учреждение Кавказского наместничества. Громадные prerogatives генерал-губернаторов и наместников теоретически могли служить базой для их сепаратизма. В истории России подобных выступлений не зафиксировано, но устройство Империи предусматривало меры для их предотвращения. Во-первых, кандидатуры высших администраторов утверждались лично императором и подбирались из представителей высшей аристократии или царской фамилии (великие князья), т.е. лиц, максимально лояльных престолу. Во-вторых, правление их в каждом генерал-губернаторстве или наместничестве было ограничено особым контрольно-советающим органом – Советом, членом которого также назначал царь, и отчетывались они только перед ним.

Советское административно-территориальное устройство в основном радикально отличалось от имперского, но некоторые

основополагающие принципы сохранялись в неприкосновенности, поскольку присущи любой государственной системе: принцип деления территории, направление на места эмиссаров центральной власти, привлечение к управлению представителей местного населения, в том числе разных национальностей и др. Наиболее существенным новшеством Советской власти была сознательная политика большевистской партии по формированию национальных управленческих элит.

Наряду с принципиальной ролью государства в конструировании многонациональной российской цивилизации, на первом месте по значению многие исследователи обоснованно ставят историческую роль в этом процессе русского народа. Прежде всего, она проявилась в широком расселении русских по евразийскому пространству и объективно возникшей необходимости контактов с местными этносами. При этом сами русские не составляли однородную этническую структуру с единой, общей для всех них идентичностью. Напомним о существовании специфических общностей внутри русского этноса на российском Севере (поморы) и Юге (казаки), а также в определенном смысле в Сибири. Различия между ними являлись не более чем локальными вариантами единого цивилизационного, социального – культурного комплекса. Поэтому русская культура при всем своем региональном своеобразии приходила к нерусским народам приблизительно в одинаковых формах. Ее унификации на окраинах способствовали: значительная роль государства в процессе заселения; единство доминирующей православной церкви и христианского культа «греческого закона», в котором, начиная со второй половины XVII века, уже не допускались местные вариации; господство единого литературного русского языка, применявшегося в официальных документах и прочих произведениях письменной культуры. Отдельные сторонники концепции особой русской цивилизации выдвигают на первый план в качестве ведущего фактора организации и сплочения этносов духовную силу русских, которая подавляла противников и соперников силой добра и справедливости. Русские расселились далеко за пределы своего первоначального этнического ареала на Восточно-Европейской равнине и приступили к хозяйственному освоению присоединенных земель. Повлекло ли это национальный гнет с их стороны по отношению к местным народам? Означало ли это проведение колониальной экспансии царизма? Можно ли считать русских господствующей

имперской нацией? Утвердительные ответы на эти вопросы можно почерпнуть из сочинений многих авторов, работающих в государствах на территории бывшего СССР, а также в республиках в составе Российской Федерации.

Если же отойти от политизированных, конъюнктурных оценок, то оказывается, что русские: вовсе не благоденствовали, как полагалось бы настоящим колонизаторам; не начали беспощадную эксплуатацию национальных окраин; наряду с местным населением подвергались общей эксплуатации со стороны государства. В своем фундаментальном исследовании о русском крестьянстве Л.В. Милов справедливо утверждает, что «основным источником изъятия государственными органами прибавочного продукта был носитель этой государственности – русский народ. Наибольшая тяжесть эксплуатации падала на великоросов, и это было следствием суровой объективной реальности, то есть локализации этноса в зонах, крайне неблагоприятных для земледельческого производства. Поэтому именно русские люди и отчасти малороссы, остро нуждавшиеся в расширении хозяйственного пространства, шли на юг, юго-восток и восток, на необжитые территории в поисках лучшей доли, вступали в контакты с другими народами. Противоположная ситуация, то есть утверждение привилегированного положения как «имперской нации» в российском социуме как обществе с минимальным объемом совокупного общественного продукта, в условиях сохранения многонационального государства, была исторически нереальна» [30, с.566-567].

Русские составили этническое ядро Российского государства в силу своей многочисленности и проживания в Московской Руси, откуда и началась история императорской России. Русский этнос традиционно и естественно доминировал почти во всех сферах жизни общества, но еще в первых десятилетиях XX века русские значительно отставали от некоторых других народов по степени урбанизации и уровню распространения грамотности. Масса русских крестьян жила хуже, чем большинство крестьян в других регионах Империи, особенно западных. При этом политика по отношению к национальным окраинам и в целом по отношению к нерусскому населению на протяжении столетий неоднократно претерпевала значительные изменения. Правительство то стремилось сохранить и постепенно адаптировать местные национальные управленческие и культурные устои, то брало курс на унификацию социальных и культурных стандартов. Это выливалось в форсирован-

ную христианизацию окраин, насаждение школьного и высшего образования на русском языке, введение общеимперских административных канонов [31]. Подобная стратегия господствовала в Российской Империи накануне ее крушения. К 1917 году русская администрация и русская армейская элита занимали ведущие позиции во всех окраинных регионах за исключением Финляндии. Русский язык, русская культура и православие имели повсеместное распространение и усиленно использовались как инструменты гомогенизации Империи. Для последнего процесса часто употребляется термин «русификация». Следует согласиться с мнением многих отечественных исследователей о его неточности. Исторически правомерно вести речь о последствиях объективного доминирования русского народа в общественной системе России, прежде всего, в государственной сфере, а также о стремлении государства создать русскоязычные анклавы на присоединенных территориях. Также спорно применение категории «колониальный» по отношению к национальной политике царского режима. Трактовка преобладания русских в России как следствия колониализма, традиционной русификации и россиецентризма популярна сейчас в науке и публицистике стран СНГ. В качестве обратной стороны этой ситуации обычно преподносят национальное угнетение нерусских народов, сознательное уничтожение их культурного своеобразия.

Данная проблема поднимается в историографии и политологии по поводу определения степени зависимости окраин от центра при сопоставлении ее с классическими колониальными моделями. Подобная трактовка наиболее четко сформулирована М.С. Восленским на примере Советского Союза. По его мнению, с одной стороны, союзные республики имели следующие черты полуколоний: хотя они входили в состав Советского государства в качестве его административных единиц, и администрация в них была в основном местного происхождения, многие ключевые посты замещались посланцами из метрополии; в пределах республик дислоцировались войска метрополии; в делопроизводстве и печати использовались как местные, так и русский языки. С другой стороны, колониальному статусу противоречили правление в основном национальной номенклатуры местных народов и сравнительно небольшое число русских в администрации. «Номенклатура-созерен мудро старается не задевать национальные чувства местного населения, а приниженное положение простых русских в национальных республиках призвано закрывать глаза

коренного населения на полуколонизальную зависимость» [32, с.433]. Приведенные М.С. Восленским черты полуколонизальной зависимости на самом деле не являются таковыми, так как в основном отражают черты тоталитарного строя в многонациональной стране. Существование национального угнетения в полиэтническом государстве вовсе не свидетельствует о колониальном характере управления. В условиях коммунистического режима колонией в таком случае можно было бы считать абсолютное большинство населения СССР без различия национальностей, а метрополией – его многонациональную номенклатурную элиту. Ни один народ, в том числе русские, не имели фактических, а тем более юридических преимуществ перед другими.

Со схемой классической колониальной империи явно расходится экономическое и культурное превосходство некоторых периферийных, особенно западных, регионов перед метрополией. Руководство страны было больше озабочено сохранением своей власти путем сотрудничества с национальными элитами и поддержанием положения сверхдержавы, чем повышением уровня жизни русского народа. Можно возразить, что активное и массовое расселение русских в национальных регионах фактически стало продолжением славянской колонизации, начавшейся в предыдущие столетия. Например, целинная эпопея 1950-х годов была реально не чем иным, как колонизацией территории бывшего казахского Среднего жуза – Восточного Казахстана. Во-первых, колонизация не равнозначна колониализму, колониальной экспансии. Во-вторых, если оценивать данный процесс объективно, то следует видеть в нем не колониальные аппетиты царизма или советского режима, а осуществление целенаправленной государственной политики, направленной на экономическое развитие окраин. Местные национал-радикалы в союзных и автономных республиках нередко воспринимали русских как начальников и конкурентов с неоправданно высоким социальным статусом. Антирусские настроения в среде населения национальных регионов во многом были следствием массового переселения значительной части русских, которые на новых местах трудились в промышленности, строительстве, на транспорте, составляя костяк местного рабочего класса и научно-технической интеллигенции. Русские оказывались в такой социально-экономической среде, которая не требовала быстрой адаптации к локальным этническим особенностям – изучения языка, обычаев, наоборот, в национальных

регионах расширялась именно русская языковая и культурная среда, что вызывало недовольство у местных ревнителей этнической чистоты. Впоследствии незнание местных языков стали ставить русским в вину как признак их пренебрежения национальными культурами.

При И.В. Сталине советская культура все более приобретала национально-русский облик – русский язык был объявлен обязательным для школьного обучения, системы письменности в автономных республиках на основе латиницы заменили кириллицей. После победоносного завершения Великой Отечественной войны официальное прославление русского народа сопровождалось кампанией против космополитизма. Социальной опорой этих явлений послужили промышленные кадры, мобилизованные из деревни, а инициатором и проводником – патристически-ориентированная сталинская номенклатура. В среде высшего руководства Советского Союза формально преобладали русские. За период 1917-1989 гг. в Политбюро, Оргбюро, Секретариате ЦК РКП (б) – ВКП (б) – КПСС пребывало 132 члена русской национальности, 17 евреев, 6 белорусов, 7 латышей, 5 грузин, по 2 армянина, узбека, азербайджанца, немца, поляка и по 1 казаху, татарину, финну. Причем в этих органах процент русских и евреев был выше, чем их удельный вес в стране. Позднее доля евреев резко снизилась, а представительство русских еще более возросло. Так, в 1940-1980-х годах русские в СССР численно превосходили украинцев втрое, а в высших партийных органах вшестеро. Но при этом славянские народы были представлены более полно. За 1934-1984 гг. в высшей партийной элите русские, украинцы и белорусы составляли около 84%, а остальные 16% распределялись среди прочих этносов страны. Если рассматривать состав ЦК, то за 1952-1976 гг. из 101 его члена к славянам относились 97, из них 78 русских, был только 1 армянин, а среди высших офицеров Советской Армии вообще не было грузин, прибалтов, выходцев из Средней Азии и Азербайджана [33]. Привилегированными в этом отношении, по сравнению с русскими, оказывались белорусы и украинцы, что объяснялось их этнической близостью, высокой степенью русифицированности украинской интеллигенции – гарантией, по мнению Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева, от стремления к автономии (34). По некоторым сведениям и подсчетам, в послесталинский период просматривается относительная украинизация высшей советской элиты. В 1952 – первой половине 1960-х годов доля украинцев

в ЦК КПСС выросла с 15,5 до 18,5 % против 7,9 % в 1939 году [35].

Доминирование русских распространялось и далее вниз по властной вертикали. Это началось с первых лет Советской власти, когда революционные преобразования требовали неуклонного выполнения директив ЦК, распространявшихся на русском языке. Последующие государственные мероприятия, например коллективизация, шли успешнее, если у власти становились представители славянских народов. К 1970-м годам сложилось несколько устоявшихся аксиом кадровой политики, закрепивших за русскими должности в республиках: русским был второй секретарь ЦК местной компартии, при этом не местный, а присланный из Москвы. Он являлся локальным наместником, подлинным вершителем политики, отвечая за работу с кадрами, контролировал номенклатуру. Иногда русские становились и первыми секретарями – Хрущев на Украине, Голощекин в Казахстане, Брежнев в Молдавии и Казахстане. Дублирование первых секретарей русскими напарниками шло далее по иерархической лестнице в партийном и советском аппарате вплоть до райкомов и райисполкомов. Повсеместно их функции состояли в контроле и надзоре за своими непосредственными начальниками; прочие партийные секретари, в том числе ЦК республиканских компартий, принадлежали к местным народам, но при каждом состоял аналогичный надзиратель. Так, секретарь ЦК по идеологии являлся местным, а замзавотделом пропаганды ЦК – русским. Русским по происхождению был и председатель республиканского КГБ, аппарат которого состоял в основном из славян. То же можно сказать о командующем Вооруженными Силами, дислоцированными в республике [36].

После смерти И.В. Сталина происходят серьезные изменения в национальном составе республиканских элит. Все больше становится нерусских партийных секретарей. К концу 1950-х годов в восьми из четырнадцати союзных республик (РСФСР не учитывается) секретари ЦК по оргвопросам принадлежали к местным национальностям [37]. Тем не менее, контроль центра осуществлялся через русские и украинские кадры. Контроль центральных органов над союзными республиками через своих славянских представителей сохранялся до середины 1980-х годов. Статус этих представителей оставался неизменным, в то время как самостоятельность и влияние местного национального руководства постоянно росли. Ко времени перестройки институт наместников начинал превращаться в анах-

ронизм, лишний элемент администрации, и национальные элиты были вполне готовы избавиться от него.

Советский период в истории российской цивилизации занимает особое место. Политизированные интерпретации советского общества и Советского Союза как «идеологически мотивированной сверхдержавы» по С. Хантингтону [38, с.57] отходят в прошлое, уступая место взвешенному и объективному анализу. Оценки советской, особенно сталинской, эпохи по степени дискуссионности в современных исторической и политической науках встали в один ряд со спорами о значении петровских реформ. Так, если К. Вайцзекер считает, что в России, как и в Китае, старая империя сумела в результате социалистической революции соединить социализм с традиционной структурой централизованной правительственной власти, то В. Кантор убежден в том, с отменой частной собственности большевики отменили и принцип последовательного, преемственного развития российской цивилизации [39]. Действительно, многие жизненные устои Империи подверглись сознательному уничтожению после революции. В результате индустриализации, урбанизации, массовых миграций, утверждения атеизма, все более широкого распространения сферы применения русского языка и т.д., началось стирание межнациональных различий народов Советского Союза, особенно в среде городского населения. Унификация культуры и образа жизни, а также формальное уравнивание всех граждан перед законом без различий национальностей создали необходимые предпосылки для формирования единой цивилизационной общности – явления, которое до начала XX века существовало в России как нарастающая тенденция. Это позволяет рассуждать о формировании так называемой гражданской нации – сообщества граждан государства без различия национальностей. Особое значение имела советская идеология и ее носительница – Коммунистическая партия. Марксистско-ленинская идеология в ее державной сталинской интерпретации духовно соединяла страну в одно целое, предлагая общую советскую идентичность, нивелируя исторические и культурные различия регионов.

Цивилизационная общность России XX века получила наименование советского народа. Некоторые критики коммунистического режима считают это понятие фикцией, безжизненной идеологемой. Советский народ социально и исторически существовал не только в гражданском обществе, но и в национально-культурном смысле, о чем свидетельствуют общие признаки ментальности

и повседневной культуры на всем пространстве бывшего СССР. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И.Брежнев в докладе на XXIV съезде официально заявил об окончательном формировании этой «новой исторической общности» [40, с.232]. Но эта общность оказалась далеко не новой, а сформированной и подготовленной вековым развитием российской государственности и культуры. Кроме преобладающей тенденции к унификации в России XVII-XX вв. действовала противоположная центробежная тенденция, выражавшаяся в сепаратизме отдельных регионов и национальных окраин. Во времена кризисов она усиливалась (начало XVII века, 1917 год), а в конце XX века проявилась в крайней форме дезинтеграции и развала союзного государства. Местные национальные элиты стремились расширить долю своего участия в управлении. Традиционная патриархальная и феодальная аристократия в течение XIX века почти повсеместно исчезла, уступив место молодой национальной буржуазии и интеллигенции. В тюркских регионах в начале XX века национальная интеллигенция духовно опередила духовенство как хранителя исторической памяти народов. Социальное и культурное развитие окраин сопровождалось осознанием не столько этнической принадлежности, сколько национального единства. Именно в начале XX века у многих этносов появляются общие самоназвания, предложенные просветителями: казанские татары вместо прежних казанцев, болгар, мусульман; хакасы вместо абаканских татар и минусинских татар; азербайджанцы вместо закавказских турок/татар и т.п. В итоге сложился крайне противоречивый этнополитический комплекс, в котором русский этнос («православные») присутствовал как костяк администрации на Восточно-Европейской равнине, но и на всех территориях Империи в виде сплошных крупных этнических массивов и анклавов.

После Октябрьской революции 1917 года использование национальных управленческих кадров приобрело новые черты. В результате политики коренизации 1920-1930-х годов прежние привилегированные сословия были вытеснены представителями эксплуатируемых классов, объективно не подготовленными к административным функциям. В этих условиях решающее слово в принятии решений оставалось за контролирующими представителями центральных инстанций, как правило, русскими. В Сталинской Конституции 1936 года был фактически осуществлен план так называемой автономизации бывшей территории Российской Империи. Он представлял

собой закономерное развитие тенденции к унификации в отношениях между центром и национальными окраинами. В отношении этой тенденции государственного развития национально-государственная политика И.В. Сталина представляла собой шаг вперед, а в отношении противоположной тенденции – национальной автономизации – шаг назад, поскольку суверенность народов СССР носила декоративные и неполитические формы (культура, язык и т.п.). В русле действия процесса объективной унификации и происходило формирование российской цивилизационной общности XX века – советского народа. Второе центробежное направление развития было подавлено при жизни И.В. Сталина, но не исчезло окончательно. Стремление к децентрализации в 1960–1970 годы продолжало подспудно существовать в массовом сознании, прежде всего у интеллигенции, и в среде эмигрантов. В годы перестройки набравшие силу республиканские элиты смогли добиться политической самостоятельности и, в конце концов, полной государственной независимости.

Одним из признаков этнокультурного развития народов России стало вызревание национализма, т.е. выпячивания и пропаганды своей этнической идентичности, ее противопоставления идентичности других этносов. На рубеже XIX-XX вв. объективным стимулом данного процесса был официальный русский национализм, оформленный в виде верховенства православного монарха и оберегающей его Церкви над всеми прочими правителями и конфессиями. Русский официальный национализм не имел шовинистической окраски и выступал в форме стихийного и нередко сознательного внедрения русского языка и культуры, православия в районы проживания инородцев, национализм которых явился реакцией на культурную и религиозную политику государства. Поэтому первые националистические идеи высказывались просветителями, ревнителями национальных языков и поклонниками, а иногда и создателями национальных литератур, в различных культурных обществах и кружках. На востоке Империи эта реакция могла принимать облик религиозных движений. В западных регионах – в Польше и на Украине были живы воспоминания об утраченной собственной государственности, и мечта о ее возрождении служила одним из основных факторов национальных движений.

Каждое из присоединенных к России государств было в военном отношении более слабым, чем Московское царство, Российская Империя и СССР. Поэтому экспансия

XVI–XIX вв., особенно в восточном и южном направлениях, велась под лозунгами не только принятия подданства более могущественному монарху, но и славы русского оружия. В официальной пропаганде, адресованной инородцам, российская монархия обретала облик неодолимой силы, собирательницы и защитницы народов. При этом официоз не допускал мысли об историческом равноправии уничтоженных государств с Россией. Различные теории освоения Сибири, освоенной местными народами за тысячи лет до Ермака, покорения Кавказа, «наименьшего зла» оправдывали итоги территориального расширения и завоеваний. Соответствующая идеологическая пропаганда велась посредством просвещения, школьного образования, в том числе, и в национальных регионах. Естественно, что деятелей эпохи экспансии – Ермака, Еромова, Скобелева, Суворова следовало считать героическими личностями, кузнецами славы и мощи России, а их противники преподносились в довольно зловещем виде и находились на задворках официальной пропаганды и державной идеологии. Развитие присоединенных народов к началу XX века достигло такого уровня, что прежние подходы идеологически устарели. В пределах Империи сформировались стабильные этнические общности со своей национальной элитой – вначале просветителями, затем интеллигенцией, а затем и политическими деятелями. Представители национальных регионов все настойчивее выдвигали самобытные программы, в которых ностальгия по утраченной или нереализованной государственности служила важным идейным компонентом. В этих условиях Империи требовалась новая патриотически-ориентированная политическая элита.

Именно XX век принес Российской Империи не столько роковые военные поражения, болезненные в силу материального ущерба, сколько утраты тысячелетнего престижа. Каждая из военных неудач с Японией наносила удар по традиционному имиджу России, тем более что ее противником была небольшая и не самая высокоразвитая страна. Историкам начала XXI века легче оценивать итоги русско-японской войны, так как открыты ранее засекреченные документы. Поражение в войне с Японией оказало мощное влияние на национальные политические движения, на формирование лозунгов административной автономии регионов, что впоследствии привело к их независимости. Маленькая азиатская страна одолела всемогущего соседа. В глазах населения окраин российская монархия лишилась тысячелетней репутации. Одновременно раз-

вернулись революционные коллизии 1905–1907 гг., появилась Дума, были проведены выборы депутатов, давшие национальным элитам реальный политический шанс участвовать в управлении государством. В этих условиях местный национализм начал обретать организованные формы. Образовались партии, проводились национальные съезды, появилась политическая публицистика. С 1916 года в обстановке нарастающего хаоса набирало силу радикальное сепаратистское крыло националистов. К моменту крушения монархии многие народы окраин имели харизматических лидеров, выдвигавших идею отделения от России.

Конечно, не только военные поражения испытывали на прочность полиэтнический российский социум. В нем изначально существовал конфликтогенный потенциал, порожденный и постоянно регенерируемый несколькими факторами: существовало объективное противоречие между русскими и местными этносами, утратившими возможность самостоятельного политического развития; под властью сильного, единого государства многие традиционные споры и вражда между локальными этническими общностями подавлялись, переходили в латентную фазу, чтобы вспыхнуть с новой силой при ослаблении центральной власти, для которой обострение межнациональных конфликтов служило верным признаком ее неадекватности новым условиям, призывом к поиску путей для восстановления стабильности и спокойствия. Но нельзя оценивать историю российского сообщества народов как череду конфликтов. История России XVI–XX вв. свидетельствует об обратном. Абсолютное большинство этносов в ее составе, лишившись шанса на независимое государственное развитие, не исчезло с лица земли, а развивалось в рамках единой экономической и культурной системы, увеличиваясь при этом численно.

Таким образом, российская многонациональная цивилизация является исторически сложившимся сообществом народов, с объективно присущими ему этноинтегрирующими факторами и конфликтогенными противоречиями. Это сообщество обладает собственной оригинальной государственной организацией, учитывающей исторический опыт и национальные традиции присоединенных народов. Не менее важными для интеграции народов оказались прогрессирующие экономические взаимосвязи и взаимовлияния, а также культурное взаимодействие. Россия – самостоятельная локальная цивилизация, равноправная и равноценная по отношению к другим общепризнанным цивилизациям – западной,

исламской, китайской и др. Единственное ее радикальное отличие – поликонфессиональность, традиционное сосуществование христианства и ислама. Именно на примере Российской Империи и СССР можно убедиться, что признак религиозной общности не является основополагающим при определении статуса особой цивилизации. Большинство населения страны исповедовало православие, что позволяло характеризовать Россию как страну преимущественно западной (христианской) цивилизации при игнорировании особой роль ислама и его приверженцев в российской истории, несмотря на развал Советского Союза и обретение независимости мусульманскими государствами Центральной Азии. Более того, конфессионально родственные российскому православию приверженцы ближневосточных церквей в Турции, Сирии, Палестине и Египте не могут быть причислены к носителям западно-христианской цивилизации. Таким образом, исторически обусловленные особенности межэтнических отношений позволяют утверждать, что понятие «российская многонациональная цивилизация» имеет право на существование и охватывает самые разные сферы деятельности людей – организация управления и законодательство, экономика и культура, межэтническое сближение и конфликты. Во всех этих областях обнаруживаются признаки интеграции в многонациональном государстве на протяжении XVI–XX вв. В истории каждого народа России, в его отношении с другими народами существовали специфические особенности, которые сложно объединить посредством общей для всех них хронологической шкалы.

Список литературы

- Бжезинский З. Геополитический вакуум // Кентавр. – 1994. – № 4.
- Сталин И.В. Сочинения. Т.9. – М., 1952.
- Советские конституции. Справочник. – М., 1963.
- Куличенко М.И. На основе равенства, добровольности и братского сотрудничества // Коммунист. – 1981. – № 6.
- Чистяков О.И. Проблемы демократии и федерализма в первой Советской Конституции. – М., 1977; История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1918. Т.1. – М., 1979.
- Ненароков А.П. К единству равных. Культурные факторы объединительного движения советских народов. – М., 1991.
- Он же. Председатель по делам национальностей И.В. Джугашвили (Сталин) // Первое Советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918. – М., 1991.
- Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. – М., 1992.
- Вдовин А.И. Русские в XX веке. – М., 2015.
- Советская культура. – 1988. 6 октября.
- Российская газета. – 1993. 8 сентября.
- За рубежом. 1995. – №18–19.
- Голиков А.Г. К историографии проблемы российской цивилизации // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты. – М., 1998.
- Национальная политика России: история и современность. – М., 1997.
- Революция и национальный вопрос. – М., 1930. Т. 3.
- Национальная политика в императорской России. Цивилизационные окраины. – М., 1997.
- ГАРФ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 16.
- Там же. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 53.
- Национальный вопрос на перекрестке мнений. – М., 1992.
- Национальная политика в императорской России. Цивилизационные окраины. – М., 1997.
- Всероссийское Учредительное собрание: Стеногр. отчет. – Одесса, 1918.
- Национальная политика в императорской России. Цивилизационные окраины. – М., 1997.
- Съезды Советов в документах 1917–1936. – М., 1960.
- Национальная политика в императорской России. Цивилизационные окраины. – М., 1997.
- Там же.
- История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1978. 3-е изд. – М., 1979. Т. I.
- Там же.
- Разделит ли Россия участь Союза ССР? Кризис межнациональных отношений и федеральная национальная политика. – М., 1993.
- Федосова Э.П. Из истории российской государственности (шведский опыт) // Россия и мировая цивилизация. К 70-летию члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова. – М., 2000.
- Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., 1998.
- Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. – М., 1998.
- Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Л., 1990.
- Вишневский А. Высшая элита РКП(б)-ВКП(б)-КПСС (1917–1989): немного статистики // Мир России. 1997. Т.IV (16). №4. – С.41,42; Модсли Э. Портрет изменяющейся элиты: члены ЦК КПСС с 1939 по 1990 год // Политические процессы в условиях перестройки. – М., 1991. Вып. 2. С.16–32; Хоскинг Дж. История Советского Союза: 1917–1991 гг. М., 1994. – С.441–442; Bialer S. How Russians rule Russia // Problems of communism. 1964 №5. P.52; Hill R.T., Rahr A. The general secretary, the central party secretariat and apparat // Elites and political power in the USSR. Cambridge, 1988. P.53, table 3.1.
- Bialer S. Stalin's successors: Leadership, stability and change in the Soviet Union. Cambridge e.a., 1980. P.224.
- Bialer S. How Russians rule Russia. P.47.
- Hough J.F., Fainsod M. How the Soviet Union is governed. Cambridge (Mass.), 1979. P.516.
- Hough J.F., Fainsod M. Op.cit. P.211.
- Полис. – 1994. №1. С.57.
- Weizsacker K.F. The ambivalence of progress. Essays on historical anthropology. N.Y., 1988. – P.46–47.
- XXIV съезд КПСС: Стеногр. отчет. – М., 1972. – Т.2.